

Юрий КНЯЗЕВ

Пути преобразований

Полтора года спустя после революционных событий 1989 г. в Восточной Европе можно констатировать, что они открыли процессы глубоких политических, идеологических, социальных и общественно-экономических преобразований в регионе. Оценки этих процессов различны, даже противоречивы. И не удивительно: политические и идеологические, а затем и общественно-экономические перемены в большинстве стран оказались столь радикальными, а их последствия настолько неожиданными, что они никак не укладывались в привычные представления о возможных путях трансформации общества, в котором, согласно широко распространенной догме, «социализм победил окончательно и бесповоротно».

ХАРАКТЕР РЕВОЛЮЦИЯ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

В настоящее время имеются по меньшей мере три точки зрения по этому вопросу. Первая из них состоит в следующем. В четырех странах (Болгарии, ГДР, Румынии и Чехословакии) в конце 1989 г. свершились массовые народно-демократические революции, в результате которых произошла смена власти, к управлению государством пришли новые политические силы (партии), которые провозгласили и начали осуществлять свой курс в общественной, политической и социально-экономической жизни. Перемены революционного характера имели место на протяжении 1989—1990 гг. также в Венгрии, Польше и Югославии. Хотя они и не сопровождались массовыми выступлениями, но явились итоговым результатом, скоротечным завершением длительных эволюционных процессов, проходивших в них в течение последнего десятилетия. В этих странах долгое время преобладали экономические аспекты преобразований, связанные с безуспешными попытками выхода из затянувшегося экономического кризиса, но эволюция и там привела к политическим переменам революционного характера. С конца 1990 г. аналогичные сдвиги стали происходить и в Албании.

Сторонники второй точки зрения на процессы в Восточной Европе, ссылаясь на отсутствие глубинных преобразований в обществе, на сохранение в основном прежних производственных отношений, на незаконченность реорганизации власти и других политических процессов, склонны

Князев Ю. К. — доктор экономических наук, заведующий отделом Института международных экономических и политических исследований АН СССР. Специалист по проблемам социально-экономического развития стран Восточной Европы.

оценивать те же самые события как верхушечные перевороты, приход к власти альтернативных сил, не имеющих четкой программы переустройства общества и потому обреченных на неудачу и скорый бесславный уход с политической арены

Наконец, представители третьего направления исследователей вообще считают происшедшие события не революциями, а контрреволюциями, поскольку они носили антикоммунистический характер, привели к отстранению от власти бывших правящих коммунистических и рабочих партий и отказу в большинстве стран от социалистического выбора.

Несмотря на внезапный и лавинообразный характер революций, прокатившихся по упомянутым четырем странам и захвативших их одну за другой через весьма короткие промежутки времени, вставившиеся в общей сложности в двухмесячный период (ноябрь — декабрь 1989 г.), несмотря на схожесть сценариев этих событий (спонтанные массовые демонстрации и митинги, отставки высших руководящих партийных и государственных органов или арест их членов, как это было в ГДР, Болгарии и Румынии, кадровое обновление этих органов, а затем создание новых организационных структур государственной власти, появление на политической арене множества общественных движений и политических партий, приход в конце концов к власти оппозиционных прежнему режиму сил в результате их победы на свободных многопартийных выборах, прошедших во всех семи странах с июня 1989 г. по июнь 1990 г.), нет никаких оснований говорить о существовании какой-то взаимной координации действий между политическими силами этих стран. Более того, конкретные поводы для начала спонтанных событий были разными: от массового стремления к эмиграции из ГДР до столь же массового выступления против диктатуры Чаушеску в Румынии или исчерпания резерва доверия к реформаторским программам правящей партии и однопартийного правительства в Венгрии. Но вопреки всей специфике и разнообразию общая направленность революционных движений была одноплановой — это были выступления против тоталитарных режимов, против отсутствия или грубых ограничений и нарушении общепринятых в мире прав и свобод граждан, против засилья бюрократических структур управления. Одновременно это был протест против социальной несправедливости в обществе, против незаконных привилегий и коррумпированности господствовавших структур, низкого или постоянно снижающегося уровня жизни народа (влияние последнего фактора было, разумеется, не одинаковым в каждой из рассматриваемых стран, но он всюду присутствовал, включая и более благополучные в этом отношении ГДР и Чехословакию). Наконец, это было массовое отторжение административно-командной, однопартийно-государственно-бюрократической системы управления экономикой, приведшей к нарастанию экономических трудностей, к бесхозяйственности и расточительству национальных богатств, ввергшей все без исключения восточноевропейские страны в глубокие экономические кризисы и неспособной найти из них достойного выхода.

Следовательно, речь идет не о верхушечных переворотах, а о демократических революциях (о чем говорят не только многотысячные демонстрации и митинги, но и результаты проведенных затем в каждой стране Всеобщих выборов), несших в себе большой отрицательный — в смысле отвергающий старое — заряд. Но как показали дальнейшие события, это были не только революции «против», но и революции «за», а именно: за установление подлинной демократии и свободы, за политический плюрализм; за социальную справедливость, за улучшение материальной и духовной жизни народа, за признание приоритета общечеловеческих ценностей, за эффективную экономику, развивающуюся по законам и критериям, действующим в высокоразвитых цивилизованных обществах.

Нельзя, конечно, отрицать, что революции прежде всего коснулись чисто политической сферы, что пока преобразования не затронули глубоких пластов базиса общества, слабо еще воздействуют на производственные отношения (т. е. отношения собственности) и поэтому могут выглядеть легковесными и незаконченными. Это дает определенный повод для высказывания сомнений в истинной революционности преобразований. Но в то же время перемены в Восточной Европе обозначили начало фундаментального процесса, который уже можно считать необратимым. По своим глубинным последствиям перемены последних полутора лет означают исторический поворот в судьбах соответствующих стран, хотя еще остается неясной окончательная направленность этого поворота. Но уже сейчас очевидно, что здесь покончено с тем, что мы называли «реальным», «развитым» социализмом, что в одночасье рухнули так называемые «мировая система социализма» и «мировое социалистическое содружество». А этого вполне достаточно для характеристики событий и трансформаций как глубоко революционных.

Что касается третьей из обозначенных точек зрения, то о ее справедливости можно было бы говорить только при одном условии — существовавшие в восточноевропейских странах общества были действительно социалистическими. Революции в Восточной Европе можно назвать антикоммунистическими лишь в одном смысле — они действительно направлены своим острием против безраздельно правивших там коммунистических и рабочих партий, которые сами признали свою ответственность за нынешнее тяжелое положение, деградацию и серьезное отставание этих стран от развитых капиталистических государств. Иного и не могло быть, так как эти партии утратили доверие самых широких слоев трудящихся. Народы справедливо отождествляли правящие коммунистические и рабочие партии с навязанным им странам одиозным общественным режимом. Вера в возможность обновления и прогрессивного реформаторства под руководством все тех же правящих политических сил была потеряна.

И все же я придерживаюсь точки зрения, что общественный строй, созданный в Восточной Европе, имеет слишком мало оснований для того, чтобы называться социалистическим. Поэтому его отрицание вряд ли можно считать антисоциалистической контрреволюцией. Сегодня даже представители самих бывших или реорганизовавшихся и сменивших свои названия правящих партий признают, что общество однопартийно-государственно-бюрократической диктатуры не соответствует критериям подлинного социализма. Поэтому в их новых программах ставится задача создания демократического, гуманного социализма, т. е., по сути, совсем не того общества, которое было ранее построено под их руководством.

По-моему, построенное в восточноевропейских странах общество, господствующее положение в котором занимал партийно-государственный аппарат, а народ был отстранен от власти, где отсутствовали естественные рыночные отношения, замененные административно-командными, бюрократическими методами управления экономикой, нельзя назвать социалистическим. Недемократическое и тем более антидемократическое тоталитарное общество и по определению, и по сути не может быть социалистическим; на худой конец оно достойно названия квази- или лжесоциализма. Господствовавшие в нем производственные отношения скорее можно охарактеризовать как партийно-государственный феодализм. Но если нет социалистических производственных отношений, то отсутствует и социалистическая политическая надстройка, призванная обеспечивать реальную власть трудящихся. Именно поэтому восточноевропейские революции, имевшие прежде всего антитоталитарную, антибюрократическую направленность, не привели, по-моему, к установлению подлинно социалистической демократии, т. е. демократии для трудящихся: без господства

социалистических производственных отношений такая демократия просто не возможна. Пока что в странах региона устанавливалась *многопартийная политическая система и начался переход к классической парламентской демократии.*

ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

К сожалению, политические и общественно-экономические преобразования в странах Восточной Европы проходят пока в полном теоретическом вакууме. Применяются чисто прагматические подходы обновления общества, причем в большинстве стран пришедшие к власти новые политические силы вполне естественно идут путем перехода от неоправдавшего себя «социализма» к процветающему капитализму.

В рассуждениях о возможном облике той общественной системы, которая может возникнуть в указанных странах, все сильнее звучат мнения, что нельзя пользоваться двухцветным, черно-белым изображением, что оперирование понятиями «капитализм» и «социализм» себя исчерпало, что на смену биполярности приходит плюрализм обществ, не сводимых к той или иной системе. Некоторые теоретики считают, что невозможен как социалистический выбор, так и некий средний третий путь, вступая тем самым в полемику с противниками биполярного изображения современного мира. Противники социалистической перспективы в любом ее варианте признают лишь столбовую дорогу применения универсальных принципов мировой цивилизации с учетом национальных и исторических особенностей конкретных стран. То есть западный путь развития объявляется универсальным, и восточноевропейским странам предлагается искать лишь свои национально-исторические формы организации капиталистического общества.

В условиях всеобщего отрицания прежнего пресловутого «социализма» и коммунизма — даже как весьма далекой перспективы — действительно очень трудно отстаивать возможность альтернативы развитому западному обществу. Но я считаю, что это все-таки нужно делать, так как современная западная цивилизация далеко не совершенна. Безусловно, цивилизация перерастает и в конечном счете может перерасти в более справедливое общество, не теряя своей экономической эффективности. Это общество, возможно, и станет тем, что мы в теории называем истинным социализмом. Но мы уже говорили, что общества так называемого «реального» социализма были всего лишь лжесоциалистическими. А если это так, то ни о каком третьем пути действительно не может быть и речи, так как в истории просто еще не было второго пути.

Поэтому, как мне кажется, учитывая и сегодняшние несовершенства западной цивилизации, и нереализованность принципов социалистического идеала в реальной исторической практике, в наших рассуждениях об обществе будущего пока еще нужно оперировать терминами «капитализм» и «социализм». А избегать надо затушевывания существенной разницы между ними, имея в виду, конечно, не ту карикатуру на социализм, практиковавшийся в Восточной Европе, а социализм истинный, подлинный, аутентичный, не имеющий, кстати, ничего общего с нашими извращенными представлениями о полном, зрелом коммунизме.

Так о каком социализме можно и нужно вести речь? Ответ на этот вопрос, по-моему, целесообразно искать не только в теории, но и в реальной практике. После проведения в восточноевропейских странах первоочередных политических преобразований на передний край властно вышли экономические процессы. Более того, именно экономические преобразования определяют дальнейшую судьбу реформ. Получилось так, что революции, победившие на почве отторжения тоталитарных, однопартийно-государст-

венных и командно-административных режимов, очень быстро определили и самую общую позитивную платформу, общепризнанное направление движения — к демократии и рынку. Конечно, понимание демократии и рынка не одинаково как в разных странах, так и внутри этих стран. Разница в понимании отражает различие между общественно-политическими силами, пришедшими к власти или борющимися за нее. Но тем не менее стремление к демократии и рынку может стать той объединяющей идеей, вокруг которой пойдет сплочение общества. Главное сейчас — добиться общего понимания необходимости и неотвратимости перехода к рыночной экономике, альтернативы которой просто нет.

Ключевым вопросом становления рыночной экономики является вопрос о субъектах рынка. От характера этих субъектов зависит в конечном счете и выбор той или иной модели общественно-экономического развития. Если такими субъектами, помимо бесспорных мелких и средних частных предприятий и кооперативов, будут также и крупные частные предприятия (включая и акционерные общества на основе крупной частной собственности), образованные путем приватизации (продажи) государственных предприятий, то неминуем трудный, мучительный переход к тем или иным образцам современной западной цивилизации. На этот путь уже встала Восточная Германия и становится, видимо, Венгрия. Есть ли этому альтернатива? Ею может стать общество, отвергающее господство только крупной частнокапиталистической собственности и соответствующую ей политическую систему, которая отстраняет массы трудящихся от осуществления политической и экономической власти. Именно эту альтернативу я бы и назвал истинно социалистической. В ее основе лежат такие общечеловеческие ценности, как универсальные права и свободы граждан, политическая демократия — антипод любой диктатуры, рыночная экономика в ее западном облике со всеми ее объективными закономерностями, действующими в современных развитых рыночных хозяйствах (включая свободное ценообразование на основе рыночной стоимости, закон средней нормы прибыли на капитал и другие), а также плюрализм и равноправие всех форм собственности (исключая лишь крупную частнокапиталистическую).

Что же может заменить на рынке крупные частные предприятия? Конечно, не государственные, которые, как показывает практика развитых стран, не смогут стать конкурентоспособными на свободном рынке. Представляется, что в результате неизбежного разгосударствления в некоторых восточноевропейских странах могут появиться эффективные рыночные субъекты на основе коллективной собственности трудовых коллективов при обязательной ее индивидуализации путем передачи — на платной или бесплатной основе — акций или паевых сертификатов членам этих коллективов. За государством сохраняются только нормативно-законодательные функции самого общего регулирования отношений собственности, а за коллективами предприятия — имущественные, следовательно, оперативные, функциональные права собственника, делающие из предприятий полнокровных рыночных субъектов, стремящихся к получению максимальной прибыли и несущих риск возможного банкротства в условиях конкуренции.

В отличие от коллективной, индивидуальная собственность акционеров или пайщиков является не функциональной и не имущественной (не натурально-вещественной), а только присвоенческой и управленческой. Акции, например, дают право их владельцу на присвоение части прибыли (в виде дивидендов) и части стоимости средств производства в денежной форме при продаже их другому лицу и на соразмерное с акционерным паем участие в управлении предприятием. Но они не дают права на изъятие части средств производства в натурально-вещественном виде, которые

в любом случае сохраняются в функциональной и имущественной собственности всего коллектива и в управлении совета акционеров (пайщиков) и профессионалов-менеджеров, находящихся на службе у коллектива-собственника.

Понимание социалистической собственности как коллективно-индивидуальной предполагает двойственное положение трудящихся в общественном производстве. С одной стороны, они являются коллективными и индивидуальными собственниками и как таковые участвуют в управлении предприятиями и в присвоении результатов их деятельности, а с другой — оставаясь собственниками своей рабочей силы, они по законам рынка труда продают ее коллективу своего или любого другого предприятия, т. е. заключают договор о найме с представляющим тот или иной коллектив менеджером и получают договорную заработную плату. Статус собственника не дает работнику как наемному рабочему никаких привилегий: он может быть уволен с предприятия за нерадивость или по сокращению штатов, оставаясь его акционером. Коллективизм перестает быть принудительным, так как работник может всегда по своему желанию уйти в сферу частного предпринимательства и индивидуальной трудовой деятельности. Оставаясь же в своем трудовом коллективе, работник имеет двойной интерес в успешной деятельности предприятия: как собственник акций и как собственник своей рабочей силы.

За неимением практического опыта трудно с уверенностью сказать, окажется ли такое предприятие достаточно эффективным на рынке. Но одно очевидно, что если и есть альтернатива частнокапиталистическому предпринимательству, то она может быть только на основе коллективно-индивидуальной собственности на нынешние государственные предприятия. Во всяком случае такой путь разгосударствления является наиболее быстрым из всех возможных и наиболее приемлемым там, где *массовое сознание сопротивляется превращению трудящихся в обычных наемных рабочих, отделенных от средств производства (в имущественном смысле), и возрождению крупных капиталистических собственников*. Если даже в конце концов и этот путь окажется неэффективным и трудящиеся продадут свои акции новому классу частных предпринимателей, все же процесс капитализации в этом случае произойдет постепенно и менее болезненно. И с этим, по-моему, нельзя не считаться.

Так или иначе предложенный выше альтернативный вариант, противостоящий исключительно частнокапиталистическому предпринимательству, открывает наиболее быстрый, массовый путь вхождения в рыночную экономику двумя параллельными потоками: развитием мелкого и среднего частного бизнеса и преобразованием государственных предприятий в коллективные предприятия и акционерные общества. При этом сохраняющиеся государственные предприятия также окажутся в общей рыночной инфраструктуре и вынуждены будут доказывать на рынке свою жизнеспособность. Преобразования такого типа, на мой взгляд, будут способствовать снятию политической и социальной напряженности в обществе и дальнейшему развитию демократических структур власти. Как нельзя было без политических реформ приступить к глубоким экономическим трансформациям, так и дальнейшая демократизация общества невозможна без скорейшего возникновения рыночных структур в экономике. Думается, что такой ускоренный вариант вхождения в рынок возможен на путях не столько классического первоначального накопления, сколько разгосударствления монопольной собственности и трансформации ее в рыночные формы хозяйствования на основе коллективно-индивидуальных форм собственности и соответствующих акционерных, паевых, смешанных типов предприятий и обществ. Именно в этом смысле я понимаю движение к истинному социализму.

Однако сегодня в большинстве стран региона наиболее привлекательным оказался путь общественного развития в направлении перехода к современным лучшим образцам западной цивилизации. Возникает вопрос относительно реальности такого пути, длительности, характера и особенностей переходного периода.

В принципе, этот путь практически возможен, о чем говорит опыт бывшей ГДР, вошедшей в состав Германии и уже вступившей в переходный период. Опыт этот уникален, ибо осуществляется в неповторимых для других стран условиях (в рамках объединившейся Германии, при немедленном распространении на ее новые земли механизма западногерманской общественно-экономической и политической системы, при финансовой и иной помощи со стороны бывшей ФРГ). Тем не менее он весьма показателен, поскольку дает примерную картину структурных и социальных преобразований и конечных результатов перехода к современной рыночной экономике.

Что касается других стран, которые стремятся стать на этот путь, то их переходный период будет гораздо более сложным и трудным и, скорее всего, весьма продолжительным. Постепенность и продолжительность преобразований таят в себе серьезные опасности разного рода, включая попятные движения и проблематичность самой возможности достигнуть первоначально провозглашенную цель в случае серьезных изменений в соотношении общественно-политических сил в отдельно взятых странах.

Новые власти сначала в Венгрии, а затем в Польше, Чехословакии и в четырех из шести республик Югославии (в Словении, Хорватии, частично в Боснии и Герцеговине, Македонии) официально заявили о неприемлемости для них социалистического выбора и о начале движения к новой общественно-экономической системе прозападной ориентации. Под давлением усиливающейся оппозиции вынуждены были сменить ориентиры поначалу победившие на выборах преемники прежних правящих партий в Болгарии и в Румынии¹.

Ничуть не умаляя шансов перехода любой из указанных стран на рельсы капиталистической цивилизации, хотелось бы вместе с тем указать на объективные и субъективные факторы, которые будут этому противодействовать. К объективным можно отнести громоздкую, архаичную экономическую (прежде всего отраслевую и производственную) структуру, которую весьма трудно изменить и осовременить, а тем более приватизировать. Для оздоровления и модернизации экономики в каждой стране потребуются свои специфические методы и пути, которые, однако, будут ограничены рамками действия объективных законов развития производительных сил, уровень которых будет еще долгое время лимитировать амбициозные субъективные стремления. Надо также учитывать, что огромный по численности рабочий класс, скорее всего, будет в разных формах сопротивляться восстановлению своего классического статуса только наемной рабочей силы, отчужденной от собственности на частнокапиталистических предприятиях. В том же направлении действуют реально господствующие в обществе уравнилельные настроения в оплате труда и распределении социальных благ, не совместимые с любой рыночной, а тем более с капиталистической экономикой.

Из субъективных факторов наиболее серьезным представляется сохранение на политической сцене социалистически ориентированных сил, у которых есть шанс, окрепнув, через некоторое время предложить обществу свои новые, привлекательные для народа альтернативы.

¹В Румынии руководство формально не считает себя наследником исчезнувшей РКП. Обостряющиеся экономические трудности и социальное недовольство народа приведут, видимо, к смене власти, но это означает не конец, а лишь начало длительного периода перехода к какой-то новой общественной системе.

Каковы же могут быть содержание, общественно-экономический характер анализируемого нами переходного периода? По сути, это будет, по моему мнению, переход от государственно-монополистического, централизованно-волюнтаристского экономического строя к частнокапиталистическому рыночному хозяйствованию, т. е. к постепенному возникновению и распространению, а затем к превращению в господствующие капиталистических производственных отношений на базе частнокапиталистической собственности на средства производства. Практическим путем осуществления перехода являются, как это показывает уже имеющийся опыт, приватизация государственной собственности (целиком или ее преобладающей части) и внедрение универсальных рыночных отношений. Очевидно, что как первая, так и вторая задачи тесно связаны друг с другом, должны решаться одновременно и при постоянном взаимодействии.

Поскольку темпы трансформации собственности и перехода к рынку зависят от наличия соответствующих правительственных программ, степени их радикальности, поддержки со стороны различных (включая оппозиционных) партий и разных слоев населения, готовности оказывать содействие этим Процессам из-за границы и других факторов, то реальное продвижение по пути преобразований будет иметь свои особенности в конкретных странах. Речь идет прежде всего о глубине и темпах этих преобразований, о своеобразии форм их осуществления. Уже сейчас в разных странах вырисовываются различные подходы к разгосударствлению собственности, ее приватизации и реприватизации (т. е. возвращению собственности прежним владельцам), развитию мелких и средних частных предприятий, созданию акционерных обществ и смешанных компаний (с неограниченной, ограниченной и комбинированной ответственностью), допущению иностранных частных капиталовложений и предприятий, проведению земельных реформ. То же самое можно сказать и об избираемых путях и темпах перехода к свободному рынку в его плюралистическом и комплексном понимании (с точки зрения многообразия как субъектов рынка, т. е. плюрализма форм собственности и видов хозяйственных предприятий, так и его объектов, т. е. потребительских товаров и услуг, средств производства, денег и капитала, рабочей силы, научно-технических достижений и знаний, всех других факторов воспроизводства). Тот факт, что каждая страна решает эти вопросы с учетом своих внутренних условий и внешней среды, обуславливает разную степень продвижения к конечной цели и сохранение на длительный период времени своеобразных смешанных систем в различных странах, которые, однако, по-моему, выражают *не плюралистичность общественных строев и формаций, а всего лишь разнообразие переходных форм от одних аутентичных систем к другим*. При этом в каждом конкретном случае есть возможность выявить среди пестрого разнообразия господствующий тип производственных отношений, который и определяет характер общества.

Со времени революционных событий 1989 г. в странах Восточной Европы — несмотря на глубокие политические перемены — произошли лишь незначительные изменения в экономике, в общественно-экономических отношениях. Даже в странах-реформаторах, которые давно осуществляют реформы и больше других подготовлены к коренным преобразованиям (Венгрия, Югославия, в последнее время Польша), сделано очень мало в практическом плане как в развитии подлинно рыночных отношений, так и в трансформации отношений собственности. Дальнейшие перспективы также не выглядят достаточно многообещающими, так как глубинные преобразования наталкиваются на объективные трудности и на субъектив-

ную неподготовленность к этому общественного мнения. Проходящее во всех восточноевропейских странах ухудшение экономического положения и социальной атмосферы (о чем говорят итоги 1990 г.) создает весьма неблагоприятную среду для быстрых и коренных преобразований. А это чревато усилением политической нестабильности и оттеснением экономических и общественных преобразований на второй план. Это, на мой взгляд, лишний раз подтверждает вывод о том, что *трансформация общества, его производственных отношений в каждой стране будет проходить не столько по сценарию властей, сколько под воздействием объективных материальных и духовных факторов*. И главное, чего нельзя игнорировать,— это *объективную неизбежность движения к новому обществу любого образца с исходной точки унаследованной системы, с ее материальной основы, которую нельзя просто отбросить, а можно лишь трансформировать в ходе длительной эволюции в сторону либо современного развитого капитализма, либо аутентичного (истинного, подлинного) социализма*. Причем оба эти пути для большинства восточноевропейских стран, по-моему, являются в конечном счете одинаково реальными.

© Ю. Князев, 1991